

DOI [10.19181/demis.2023.3.4.10](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.10)
EDN [AGFHAU](https://edn.agfнау)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ РЫНКИ ТРУДА В РОССИИ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ВЫХОДА ИЗ «КОЛЕИ РАЗВИТИЯ»

Яник А. А.

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: yanik-andrey@idrras.ru*

Попова С. М.

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: popova-svetlana@idrras.ru*

Карпова С. Ф.

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: karpova2@yandex.ru*

Для цитирования: Яник, А. А. Региональные рынки труда в России в новых условиях: проблемы и возможности выхода из «колеи развития» / А. А. Яник, С. М. Попова, С. Ф. Карпова // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 4. С. 165–182. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.10](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.10). EDN [AGFHAU](https://edn.agfнау).

Аннотация. Предметом исследования являются региональные рынки труда в Российской Федерации. Тема – анализ перспектив выхода региональных рынков труда из «колеи развития». Особое внимание уделяется адресной миграционной политике как одному из инструментов повышения сбалансированности и адаптивности региональных рынков труда. Цель работы – поиск доказательств исключительно важной роли эффективной миграционной политики в решении задач социально-экономического развития регионов в условиях демографического кризиса и дефицита трудовых ресурсов. Источниками служат данные официальной статистики, нормативные правовые акты федеральных и региональных органов власти, материалы СМИ. Используются теоретические подходы институционализма, в частности, концепции зависимости от предшествующего развития, различные общенаучные и сравнительные методы исследования. Показано, что сильные шоки 2020–2022 гг. (ограничения пандемии COVID-19, внешние экономические санкции, ускоренная цифровая трансформация экономики и общества) не смогли «вытолкнуть» региональные рынки труда из «колеи развития» (исторически сложившееся устойчивое состояние дисбаланса, негибкости, низкой отзывчивости на меры регулятивного воздействия) ни в позитивном, ни в негативном направлении. Однако подобное состояние мешает переходу региональных экономик к инновационному развитию и их адаптации к внешним вызовам. Адресная миграционная политика могла бы повысить адаптивность региональных рынков в условиях демографического кризиса и дефицита трудовых ресурсов, но ее противоречивый характер и несовершенство правового регулирования снижают эффективность этого инструмента. Выявленные противоречия требуют совершенствования механизмов регулирования трудовой миграции, повышения согласованности действий федерального и регионального уровня власти, усиления адресности государственной миграционной политики, разработки специальных мер, направленных на повышение квалификации иностранных работников. Результаты исследования могут быть использованы для корректировки регулирующих мер в области управления трудовой миграцией.

Ключевые слова: миграционная политика, региональный рынок труда, трудовая миграция, регулирование миграции, трудовые ресурсы

Введение

Глобальные неэкономические шоки, возникшие в 2020–2022 гг. (пандемия

COVID-19, ограничения во внутренних и трансграничных перемещениях населения; международные санкции), способствовали быстрой трансформации российской экономики и запустили масштабные процессы, связанные с поиском нового состояния экономического равновесия. Такого рода изменения объективно и значимо влияют на ситуацию на рынке труда, особенно на фоне резко усилившихся в 2023 г. эффектов аномально низкой безработицы и кадровой уязвимости отраслей отечественной промышленности.

По данным оперативного опроса Банка России, проведенного в декабре 2022 г., каждое второе предприятие испытывало дефицит кадров, треть предприятий сообщила о нехватке квалифицированных специалистов. Дефицит рабочей силы (за счет естественной убыли населения, релокации высококвалифицированных специалистов за рубеж и снижения количества мигрантов) остается одним из ключевых трендов 2023 г.¹ С этой точки зрения, крайне важны внимание к проблемам рынка труда, поиск эффективных механизмов его адаптации к потребностям экономики и социально-экономического развития.

Необходимо отметить, что представление о некоем общенациональном рынке труда, механизмы которого функционируют абсолютно одинаково в любой части России и демонстрируют схожесть основных экономических индикаторов, является теоретической абстракцией. Применительно к реалиям стоит говорить о наличии даже не системы, а относительно слабо связанного внутри конгломерата региональных рынков труда на уровне отдельных субъектов Российской Федерации, которые чрезвычайно разнородно реагируют на внешние и внутренние возмущения и характеризуются специфическими структурными диспропорциями [1]. Тем не менее, при всем разнообразии реакций на возмущения и высоком уровне межрегиональных различий, относительное положение российских регионов в интегральном рейтинге по показателям уровней экономической активности, занятости, общей и регистрируемой безработицы, неформальной занятости, а также уровней номинальной и реальной заработной платы, остается стабильным или очень устойчивым [2]. Одновременно обратной стороной устойчивости большинства региональных рынков труда выступает их неотзывчивость (негибкость, институциональная неэффективность) [3] на попытки органов публичной власти переломить сложившиеся негативные тренды либо уменьшить дисбалансы, чтобы создать условия для перехода к инновационной модели развития экономики.

До недавнего времени одним из механизмов, связывающих региональные рынки труда и потенциально способствующих сглаживанию их различий, выступали процессы международной миграции [4]. Условия для повышения однородности пространства, в котором функционирует трудовая сила, формально обеспечивают единое и достаточно развитое специальное право, а кроме того, наличие политико-правовых механизмов (как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации), позволяющих целенаправленно и довольно оперативно управлять различными процессами на региональных рынках труда. Такие механизмы включают разного рода административные и правовые возможности субъектов РФ участвовать в формировании адресной миграционной политики, прямо или косвенно влиять на ее параметры, регулируя объем и профессионально-квалификационный состав иностранной рабочей силы (речь идет, в частности, о таких инструментах, как определе-

¹ Региональная экономика: комментарии ГУ № 17. Февраль 2023 года // Банк России : [сайт]. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/43707/report_01022023.pdf (дата обращения: 15.10.2023).

ние потребности регионов в притоке трудовых мигрантов, квотирование выдачи виз на жительство, разрешений на работу и приглашений иностранным гражданам, прибывающим на территорию России на основании визы, выдача трудовых патентов и определение размера их стоимости, и др.).

Данная работа продолжает серию авторских публикаций [5; 6], в которых анализируются проблемы социально-экономической устойчивости региональных рынков труда, рассматриваются вопросы достаточности и согласованности мер правового регулирования и возможности проведения адресной миграционной политики для повышения сбалансированности и адаптивности региональных рынков труда в условиях демографического кризиса и дефицита трудовых ресурсов (с учетом воздействия форс-мажорных факторов 2020–2022 гг.).

Обзор научной литературы

Аналізу российских региональных рынков труда посвящена обширная научная литература, поскольку рынки субъектов Российской Федерации возникли и сформировались более 30 лет назад в специфических условиях постсоветского развития, когда исторически обусловленные особенности размещения населения и сложившиеся структуры экономики в РСФСР столкнулись с последствиями распада СССР, а трансформация прежней плановой советской экономики проходила в условиях резкого спада производства в 1992–1994 гг. [7–11].

Особенный интерес исследователей вызывают процессы динамики региональных рынков труда в новых условиях² [12; 13], изучение баланса их устойчивости и мобильности [2], возможностей целенаправленного воздействия на их функционирование и развитие [6; 14].

Масштабные внешние и внутренние вызовы последних лет (пандемия COVID-19, глобальная цифровизация всех сторон общественной жизни и цифровая трансформация экономики, воздействие на российскую экономику международных санкций и пр.) со всей очевидностью влияют на состояние рынка труда РФ в целом и ее регионов в частности [5; 15–18]. Возникает вопрос о результирующем векторе этого влияния, а также о способности внешних шоков повлиять на перспективы выхода региональных рынков труда из «колеи развития», затрудняющей переход к инновационной экономике.

Методология и методы исследования, источники информации

Теоретико-методологической базой исследования являются теории институционализма [19; 20], к примеру, концепция зависимости от предшествующего развития [21–23], теория сложных систем, теория государства и права.

В работе используются общенаучные методы исследования (анализ, синтез, выдвижение гипотез, сопоставление и пр.), сравнительно-правовые подходы, методы качественного и количественного анализа, анализа политико-правовых документов, регуляторного воздействия (Regulatory Impact Analysis), контент-анализ.

В качестве источников информации используется массив релевантных задач исследования нормативно-правовых актов, документов официальной статистики (федерального и регионального уровня), материалы т. н. «серой литературы» (отчеты,

² Региональные рынки труда в новых экономических условиях. Май 2022 // Центр стратегических разработок : [сайт]. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/346/427t0sggji8w6cuuw7263hy1mna08jlm.pdf> (дата обращения: 15.10.2023).

прогнозы, проекты, программы, экспертные оценки официальных органов, исследовательских центров и т. п.).

Результаты и обсуждение

Известно, что адаптация российского рынка труда (на всех уровнях) к экономическим шокам носит специфический характер и происходит преимущественно не за счет сокращения занятости, а в результате изменения оплаты труда. Если пользоваться терминологией синергетики и теории сложных систем [24], такая реакция означает, что исследователи имеют дело с нестационарным марковским процессом, когда формирование модели рынка рабочей силы (как нового института) определялось всей предшествующей историей советской экономики, но собственно сам выбор модели не был объективно обусловленным и имел случайный характер, который оказался связанным с «сиюминутными» (по историческим меркам) обстоятельствами краха союзной экономики. По существу, региональные рынки труда возникли как QWERTY-эффект [21] советской экономики.

Своеобразным побочным результатом этого процесса стало закрепление дисбалансов региональных рынков труда. Основные дисбалансы региональных рынков труда Российской Федерации связаны с их относительными трудоизбыточностью / трудонедостаточностью (текущий перечень трудоизбыточных и трудонедостаточных регионов России представлен в табл. 1), а кроме того, структурными (профессионально-отраслевыми и территориальными) диспропорциями рабочей силы [25].

Таблица 1

Актуальный перечень трудоизбыточных и трудонедостаточных субъектов Российской Федерации

Table 1

The current list of labor-surplus and labor-self-sufficient subjects of the Russian Federation

Трудоизбыточные регионы	Трудонедостаточные регионы
Респ. Алтай, Респ. Дагестан, Респ. Ингушетия, Кабардино-Балкарская Респ., Карачаево-Черкесская Респ., Респ. Северная Осетия – Алания, Респ. Тыва, Чеченская Респ.	Респ. Бурятия, Респ. Коми, Респ. Хакасия, Забайкальский край, Красноярский край, Приморский край, Хабаровский край, Амурская обл., Вологодская обл., Иркутская обл., Калининградская обл., Кемеровская обл., Ленинградская обл., Магаданская обл., Мурманская обл., Новосибирская обл., Омская обл., Псковская обл., Сахалинская обл., Свердловская обл., Тюменская обл., Еврейская авт. обл., Ханты-Мансийский АО, Чукотский АО, Ямало-Ненецкий АО

Источник: составлено авторами по данным Министерства труда и социальной защиты РФ³

Особенность сложившейся российской модели рынка труда на сегодняшний день по-прежнему обусловлена «доминированием ценовой адаптации над количественной, когда сочетается сильная реакция со стороны оплаты труда и слабая – со стороны занятости. Таким образом, гибкость оплаты труда амортизирует негативные шоки, защищая занятость и сдерживая безработицу» [13, с. 249]. По сути, на протяжении почти 30 лет устроенный подобным образом российский рынок труда по-

³ Работодатели получают субсидии за трудоустройство молодежи // Правительство России : [сайт]. URL: http://government.ru/dep_news/44867/ (дата обращения: 15.10.2023).

мимо сугубо экономической функции выполняет и политическую функцию, снижая опасность возникновения крупномасштабных социальных конфликтов.

Однако подобное балансирование занятости, тактически решая задачу «здесь и сейчас», на самом деле в стратегической перспективе формирует барьеры, препятствующие доступу к высокопроизводительным и высокооплачиваемым рабочим местам, где реально востребован имеющийся человеческий капитал (квалификация, знания, умения, навыки, изобретательность и предприимчивость людей)⁴.

Исторически сложившаяся жесткость российского трудового законодательства (в смысле отсутствия гибкости в регулировании занятости), схожая с ситуацией в странах ОЭСР в период 1950–1990-х гг. [14, с. 39–40], институт минимального размера оплаты труда (МРОТ) и пассивная политика поддержки безработицы формируют устойчиво *низкий порог* заработной платы. При этом наличие в структуре оплаты труда небольшой «базовой» части и значительной, субъективно регулируемой переменной доли обеспечивает работодателю вполне законные возможности оперативного уменьшения размеров выплат в случае кризисных явлений. В итоге, в свою очередь, возрастает доля неформальной занятости (в том числе, в форме индивидуального предпринимательства (ИП) и самозанятости), что ведет к еще большей деформации формальных пропорций региональных рынков труда.

По текущим экспертным оценкам, «неформальная занятость в нашей стране в целом составляет от одной пятой до трети рабочей силы. И ее доля росла и растет <...>. Она представляет собой преимущественно простой, низкотехнологичный, некапиталоемкий и социально незащищенный труд, который особо распространен в сельском хозяйстве, торговле, строительстве и услугах»⁵.

Мало того практически все антикризисные программы российского правительства в области занятости традиционно исходят не столько из экономической, сколько из социально-политической функции рынка труда, а потому разнообразными способами поддерживают, прежде всего, ситуацию *неполной занятости* населения вплоть до прямого ее субсидирования⁶.

Устойчивость российской модели рынка труда

Ключевая особенность кризисов 2020 г. и 2022 г. – их глобальный характер для Российской Федерации и неэкономическая природа, что отличает их от всех преды-

⁴ Индекс человеческого развития в России: региональные различия. Декабрь 2021 // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации : [сайт]. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/2022/_2021_long.pdf (дата обращения: 15.10.2023).

⁵ Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения // Центр стратегических разработок : [сайт]. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/861/86192da819e23b2d7ce2161f7718a32f.pdf> (дата обращения: 15.10.2023).

⁶ См., например, О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации № 362 от 13 марта 2021 г. : Постановление Правительства Российской Федерации № 1461 от 19 августа. 2022 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 35. Ст. 6095; О внесении изменений в Правила предоставления субсидий Фондом социального страхования Российской Федерации в 2022 году из бюджета Фонда социального страхования Российской Федерации юридическим лицам, включая некоммерческие организации, и индивидуальным предпринимателям в целях стимулирования занятости отдельных категорий граждан : Постановление Правительства Российской Федерации № 1021 от 4 июня 2022 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 25. Ст. 4332; О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Содействие занятости населения» : Постановление Правительства Российской Федерации № 1593 от 19 декабря 2018 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 53 (ч. 1). Ст. 8646.

дущих российских кризисов, произошедших в последних 30 лет⁷. Локдауны и массовый переход на дистанционную занятость в период 2020–2021 гг. из-за пандемии COVID-19 привели к скачкам роста безработицы, инфляции и снижению реальных располагаемых доходов по всему миру, а не только в России. События весны-лета 2022 г., обусловленные началом специальной военной операции (СВО) и введением массовых международных санкций против субъектов экономики и граждан Российской Федерации, затормозили восстановительный рост, привели к спаду ВВП и показателя чистого коэффициента миграции.

Указанные события запустили процесс структурной трансформации российской экономики в «новой реальности»: с учетом изменения географии международной торговли, перестройки логистических цепочек, поиска новых источников технологий и роста стоимости капитала. Такого рода эффекты, не типичные для обычных кризисных ситуаций, были усугублены проблемами, связанными с ограничениями перемещения трудовых мигрантов и сокращением размеров их чистого притока⁸.

Дифференциация региональных рынков труда в результате неравномерности темпов социально-экономического развития регионов, внешних шоков и других факторов манифестируется различиями в уровне напряжения на рынке труда [26].

Поэтому важным индикатором исчерпанности сложившейся российской модели рынка труда в условиях кризиса могли бы стать резкие изменения пропорций напряженности региональных рынков труда по сравнению с докризисным периодом, ведущие к возникновению очагов социальной нестабильности. Коэффициент напряженности на рынке труда характеризует соотношение спроса и предложения на рабочую силу. Количественно коэффициент напряженности на рынке труда – это отношение численности незанятых граждан к числу свободных рабочих мест и вакантных должностей, имеющихся в базах данных органов службы занятости⁹.

В настоящее время в научной литературе из перечисленных форс-мажорных факторов 2020–2022 гг. наиболее полно исследован вопрос влияния пандемии COVID-19 на российский рынок труда. Общий вывод заключается в том, что сложившаяся российская модель рынка труда вновь продемонстрировала свою относительную социально-экономическую устойчивость (например, [16]).

Рынок труда России, пройдя пик падения занятости и роста безработицы летом 2020 г., уже к осени того же года начал постепенно восстанавливаться. При этом реакция на кризис оказалась необычайно разнородной: в одних регионах произошли сокращение уровней экономической активности, занятости и рост безработицы, в других эти показатели практически не изменились, а в-третьих, наблюдалось даже их улучшение на фоне консервации структурных диспропорций (табл. 2). Одной из причин значительных различий в скорости восстановления региональных рынков труда является тот факт, что экономический рост региона зависит не только от его

⁷ Инфляционные вызовы периода пандемии и уроки для будущего. Доклад НИУ ВШЭ // Публикации ВШЭ : [сайт]. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/633951523.pdf> (дата обращения: 15.10.2023).

⁸ Russia Net Migration Rate 1950–2023 // Macrotrends : [site]. URL: <https://www.macrotrends.net/countries/RUS/russia/net-migration> (accessed on 01.09.2023).

⁹ Приказ Росстата № 98 от 1 марта 2022 г. (ред. от 21.12.2022) «Об утверждении форм федерального статистического наблюдения с указаниями по их заполнению для организации Федеральной службой по труду и занятости федерального статистического наблюдения за деятельностью по содействию занятости населения» // Консультант Плюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410681/ (дата обращения: 01.09.2023).

социально-экономических характеристик, но и от темпов роста других регионов, в особенности соседних. Эмпирически доказано, что «регион, окруженный быстро-растущими территориями, будет расти тем интенсивнее, чем больше его плотность населения и выше уровень урбанизации» [27, с. 53].

Таблица 2
Рейтинг регионов России по динамике рынка труда (2020–2021)

Table 2

Rating of Russian regions by labor market dynamics (2020–2021)

Субъект Российской Федерации	Изменение числа занятых, %	Доля безработных, %
Регионы-лидеры (ТОП-5)		
Респ. Северная Осетия – Алания	12,3	13,5
Респ. Хакасия	8,5	6,4
Ненецкий АО	8,1	7,0
Респ. Дагестан	7,3	15,1
Карачаево-Черкесская Респ.	7,0	12,4
Регионы-аутсайдеры		
Курганская обл.	-0,7	7,7
Респ. Коми	-0,7	7,0
Еврейская авт. обл.	-0,9	5,7
Вологодская обл.	-1,0	4,7
Тверская обл.	-1,0	3,9

Источник: составлено авторами по материалам РИА Новости¹⁰

Недостатки мер регулирующего воздействия

Согласно ст. 72, п. 1 «к» Конституции России, трудовое законодательство относится к сфере совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. Базовые принципы государственной политики в сфере труда, занятости, защиты граждан от безработицы, создания условий для устойчивого экономического роста установлены конституционными положениями (в частности, ст. 7; ст. 37; ст. 75; п. 5 ст. 75.1), а стратегия, методы и институциональные механизмы практической реализации регулируются федеральными нормативными правовыми актами и конкретизируются в законодательстве субъектов РФ и документах муниципального уровня.

Правовой основой и *ключевым механизмом* управления развитием рынка труда и экономики регионов выступает совокупность взаимосвязанных актов стратегического и программно-целевого характера различного уровня, в первую очередь, Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.¹¹, Концепция демографической политики Российской Федерации на период до

¹⁰ Рейтинг российских регионов по динамике рынка труда – 2021 // РИА Новости : [сайт]. URL: <https://ria.ru/20210419/rabota-1728641129.html> (дата обращения: 01.09.2023 г.).

¹¹ Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года : Распоряжение Правительства Российской Федерации № 207-р от 13 февраля 2019 г. (ред. от 25.06.2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 7 (ч. II). Ст. 702.

2025 г.¹², Транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 г.¹³, Энергетическая стратегия Российской Федерации до 2035 г.¹⁴, Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (2017)¹⁵, собственные федеральные программы социально-экономического развития регионов¹⁶, а также многочисленные государственные программы самих субъектов России. Таким образом, дело не в недостатке, а в относительном *избытке* имеющихся регуляторных инструментов и трудности прогнозирования ожидаемых эффектов от их часто разнонаправленных регулирующих воздействий в постоянно меняющихся условиях хозяйствования.

Одной из нерешенных проблем является слабая согласованность мер разного уровня: недостаточная адресность мер федерального уровня и недостаточность финансирования мер регионального уровня.

В современных условиях наиболее важной проблемой управления региональным развитием в Российской Федерации выступает слабая согласованность различных регулятивных инструментов между собой, когда решение общенациональных или отраслевых задач не гармонизировано с иерархией актуальных задач конкретного субъекта страны. Взятые в совокупности мероприятия стратегий и программ федерального уровня, часто оказываются недостаточно адресными за счет эффекта запаздывания решений для регионов, а эффективность региональных программ ограничена возможностями их *финансирования*, точнее наличием или отсутствием в данный момент «окна ресурсных возможностей».

Необходимая для успеха концентрация ресурсов не происходит в «нужное время в нужном месте». В итоге у региона не получается быстро преодолеть так называемый «эффект колеи» (вырваться из «колеи развития»), даже если для такого рывка сложилось согласованное решение федеральных и региональных органов публичной власти. В результате, несмотря на постепенное сокращение межрегиональных раз-

¹² Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года : Указ Президента Российской Федерации № 1351 от 09 октября 2007 г. (ред. от 01.07.2014 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 42. Ст. 5009.

¹³ О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года : Распоряжение Правительства Российской Федерации №3363-р от 27 ноября 2021 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 50 (часть IV). Ст. 8613.

¹⁴ Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года : Распоряжение Правительства Российской Федерации №1523-р от 9 июня 2020 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 24. Ст. 3847.

¹⁵ О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» : Постановление Правительства Российской Федерации №234 от 2 марта 2019 г. (ред. от 13.05.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 11. Ст. 1119.

¹⁶ См., например, Об утверждении индивидуальной программы социально-экономического развития Республики Адыгея на период до 2024 года : Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1043-р от 16 апреля 2020 г. (ред. от 15.11.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 17. Ст. 2815; Об утверждении индивидуальной программы социально-экономического развития Республики Калмыкия на 2020–2024 годы : Распоряжение Правительства Российской Федерации № 992-р от 12 апреля 2020 г. (ред. от 09.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 16. Ст. 2667; Об утверждении индивидуальной программы социально-экономического развития Республики Тыва на 2020–2024 годы : Распоряжение Правительства Российской Федерации № 972-р от 10 апреля 2020 г. (ред. от 12.09.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации, 2020. № 16. Ст. 3647; Об утверждении индивидуальной программы социально-экономического развития Республики Алтай на 2020–2024 годы : Распоряжение Правительства Российской Федерации № 937-р от 9 апреля 2020 г. (ред. от 05.02.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 16. Ст. 2630.

личий, кластеры регионов-лидеров и регионов-аутсайдеров в рейтинге субъектов Российской Федерации по уровню социально-экономического развития остаются практически неизменными (см. табл. 3).

Таблица 3

Рейтинг социально-экономического развития субъектов Российской Федерации

Table 3

Rating of socio-economic development of the subjects of the Russian Federation

2020	2021	2022
Регионы-лидеры (ТОП-10)		
г. Москва	г. Москва	г. Москва
г. Санкт-Петербург	г. Санкт-Петербург	г. Санкт-Петербург
Ханты-Мансийский АО	Респ. Татарстан	Московская обл.
Московская обл.	Московская обл.	Респ. Татарстан
Респ. Татарстан	Ханты-Мансийский АО	Ханты-Мансийский АО
Ямало-Ненецкий АО	Ямало-Ненецкий АО	Ямало-Ненецкий АО
Свердловская обл.	Свердловская обл.	Нижегородская обл.
Московская обл.	Краснодарский край	Свердловская обл.
Красноярский край	Красноярский край	Самарская обл.
Краснодарский край	Ленинградская обл.	Тюменская обл.
Регионы-аутсайдеры		
Чукотский АО	Псковская обл.	Респ. Хакасия
Кабардино-Балкарская Респ.	Кабардино-Балкарская Респ.	Кабардино-Балкарская Респ.
Респ. Хакасия	Чукотский АО	Респ. Северная Осетия – Алания
Респ. Ингушетия	Карачаево-Черкесская Респ.	Респ. Калмыкия
Респ. Северная Осетия – Алания	Респ. Северная Осетия – Алания	Забайкальский край
Карачаево-Черкесская Респ.	Респ. Ингушетия	Респ. Алтай
Респ. Калмыкия	Респ. Алтай	Карачаево-Черкесская Респ.
Респ. Алтай	Респ. Тыва	Респ. Ингушетия
Респ. Тыва	Еврейская авт. обл.	Еврейская авт. обл.
Еврейская авт. обл.	Респ. Калмыкия	Респ. Тыва

Источник: составлено авторами по материалам РИА Новости¹⁷

Конфликт тактических и стратегических целей развития рынков труда. «Эффект колес» и петля отрицательной обратной связи

Фактически сложившиеся институциональные рамки российского рынка труда на деле не стимулируют, а препятствуют успешной реализации его экономической функции, в том числе в форме трансформации человеческого капитала в высокие уровни производительности труда и благосостояния [28]. И как следствие,

¹⁷ Рейтинг социально-экономического положения регионов // РИА Новости : [сайт]. URL: <https://ria.ru/20210531/rejting-1734768833.html> (дата обращения: 01.09.2023); Рейтинг социально-экономического положения регионов // РИА Новости : [сайт]. URL: <https://ria.ru/20220516/ekonomika-1788413061.html> (дата обращения: 01.09.2023); Рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2022 года // РИА Новости : [сайт]. URL: https://ria.ru/20230515/polozhenie_regiony-1870956129.html (дата обращения: 01.09.2023).

региональные рынки труда оказываются в институциональной ловушке, т. е. массово страдают «эффектом колеи» (path dependency), когда имеющиеся пропорции занятости и безработицы, включая структурную, «консервируются» в ущерб перспективам развития. Возникает своего рода замкнутый круг или петля *отрицательной обратной связи*. Иначе говоря, неразвитость современных отраслей ведет к оттоку граждан, желающих реализовать себя в инновационных сферах экономики, а недостаток квалифицированных кадров замедляет развитие высокотехнологичных секторов.

Причем ситуация только усугубляется. Например, по итогам 2022 г., по мнению Э. С. Набиуллиной, «Важная группа рисков связана с ситуацией на рынке труда. Не исключено, что нехватка работников и дальше будет нарастать. Как результат, мы можем увидеть не только исторически низкие уровни безработицы в следующем году, но и рост зарплат, существенно опережающий увеличение производительности труда»¹⁸.

Так, по данным Минэкономразвития России, реальные располагаемые денежные доходы населения за IV квартал 2022 г. выросли на 0,9% г/г по сравнению с аналогичным периодом 2021 г. после падения на 3,1% г/г в III квартале 2022 г. (по итогам 2022 г. – снижение на 1,0% г/г). Уровень безработицы в январе 2023 г. снизился и достиг нового исторического минимума – 3,6% от рабочей силы (3,7% в декабре 2022 г.)¹⁹. В то же время, по заявлению Министра труда Российской Федерации, «в региональном разрезе ситуация достаточно неоднородная. С марта 2022 г. уровень безработицы, который рассчитывается по методологии Международной организации труда, снизился в 68 субъектах РФ, а в 13 регионах уровень безработицы вырос»²⁰.

Трудовая миграция как ресурс для региональных рынков труда: возможности и барьеры

Формально, проблему трансформации региональных рынков труда в сторону инновационной модели, по крайней мере, в части восполнения дефицита специалистов инновационных профессий могла бы решить *адресная миграционная политика*. Субъекты РФ имеют возможности регулирования притока и профессионально-квалификационного состава иностранной рабочей силы путем участия в корректировке: механизмов квотирования выдачи видов на жительство, рабочих виз, в том числе с учетом потребности экономики в рабочих кадрах, и стоимости трудовых патентов. Однако такая «тонкая настройка» миграции требует от региональных органов власти значительного (до года) времени на согласование решений на федеральном уровне и буквально штучного отбора кадров с прогнозируемым вкладом в решение задач, стоящих перед конкретной экономикой региона.

Представляется, что подобная практика в современных условиях вряд ли эффективна и возможна, поскольку ключевым управляющим параметром в итоге оказывается не столько реальный *запрос регионального рынка труда*, сколько формальный пока-

¹⁸ Заявление Председателя Банка России Эльвиры Набиуллиной по итогам заседания Совета директоров Банка России 16 декабря 2022 г. // Банк России : [сайт]. URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=14404> (дата обращения: 01.09.2023).

¹⁹ О ситуации в российской экономике (январь – февраль 2023 года) // Минэкономразвития России : [сайт]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/0cbb5394e03169f0a18ee01d6aea7775/2023_03_01.pdf (дата обращения: 01.09.2023).

²⁰ Котьяков: рост безработицы в 13 регионах связан с «несовпадением» спроса и предложения // ТАСС : [сайт]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17151453> (дата обращения: 01.09.2023).

затель под названием «уровень социальной напряженности на рынке труда» субъекта РФ. Принцип расчета этого показателя установлен на государственном уровне и ежемесячно отслеживается в рамках федерального мониторинга²¹.

Уровень социальной напряженности на рынке труда рассчитывается по формуле:

Уровень социальной напряженности = (Численность безработных + Численность иностранных работников) / Численность экономически активного населения × 100%.

Согласно правилу определения уровня социальной напряженности, субъект РФ при неизменных показателях экономически активного населения вправе увеличивать количество трудовых мигрантов лишь при условии сокращения безработицы на местах. Очевидно, что необходимость выдерживать такого рода баланс в условиях структурной безработицы и неожиданных изменений ситуации на рынке труда осложняет управление качеством иностранной трудовой силы. А неизбежное использование механизма частого манипулирования допусками или запретами для привлечения иностранных работников снижает предсказуемость и стабильность миграционной политики на региональном уровне.

По своей формуле показатель «уровень социальной напряженности на рынке труда» совпадает с «модифицированным коэффициентом напряженности на рынке труда», который был предложен в 2012 г. для эконометрического моделирования влияния иностранной рабочей силы на напряженность российского рынка труда и оценки оптимальных вариантов численности иностранных работников для экономики России [29].

Логика подобной модификации коэффициента напряженности исходила из предположения о том, что наличие иностранных мигрантов априори увеличивает напряженность на рынке труда. Однако при этом игнорировался факт, что большинство трудовых мигрантов уже трудится на определенных рабочих местах и дополнительной напряженности на рынке труда не создает. Чтобы «примерить» запланированный рост производства ВВП и стабильность социальной обстановки, авторы статьи предложили критерий реализации оптимальной миграционной политики в форме поддержания темпов роста модельной производительности труда на уровне не ниже 6,4% в год. По состоянию на 2014 г. объемы роста производительности труда и количество иностранных трудовых мигрантов по порядку величины совпадали с фактическими значениями²² и, судя по всему, по данной причине критерий уровня социальной напряженности был включен в 2015 г. в программу федерального мониторинга.

Как бы то ни было, начиная с 2014 г. рост российской экономики замедлился, а в 2020–2022 гг. на фоне пандемии COVID-19 и геополитических событий он сменился рецессией. Что касается производительности труда, то в Российской Федерации, в отличие от стран ОЭСР, используется номинальный подход к ее оценке, учитывая-

²¹ Об утверждении Правил проведения мониторинга ситуации на рынке труда Российской Федерации по субъектам Российской Федерации : Постановление Правительства Российской Федерации № 1106 от 15 октября 2015 г. (ред. от 13.10.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 43. Ст. 6965.

²² Производительность труда в Российской Федерации. Социальный бюллетень № 9 // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/13612.pdf> (дата обращения: 01.09.2023).

ющий только занятых по найму, а не фактическую производительность экономики. Реальная производительность в российской экономике, рассчитанная относительно затрат труда на один человек/час, находится в настоящее время на уровне 2013 г. [30, с. 58].

Еще одной проблемой является тот факт, что относительно высокий спрос российского рынка труда на иностранную рабочую силу (трудовая миграция обеспечивает до 8–10% рабочей силы, или 6–7 млн человек), связанный с нарастающим дефицитом трудовых ресурсов из-за сокращения численности населения России, сопровождается устойчивой *дискриминацией* иностранных работников в области оплаты труда. К примеру, в период 2004–2012 гг. при равном уровне производительности труда средняя заработная плата российских работников систематически *превышала* среднюю зарплату мигрантов, занятых на аналогичных позициях, на 15–20% (с ростом разницы в период кризиса) [31, с. 70–72]). Актуальные сопоставимые данные Росстата и Федерации мигрантов России за 2021 г. свидетельствуют о сохранении сходной диспропорции. Так, при среднемесячной начисленной заработной плате в Российской Федерации 62 828 руб., средний месячный доход мигранта из республик Средней Азии составлял 47 100 руб.²³

Выводы

Российские региональные рынки труда как социально-экономический институт хранят «память» о переходном периоде возникновения постсоветской экономики и демонстрируют определенный уровень своей незрелости («подросткового характера»); в силу этого они живучи, но пока еще относительно неэффективны и нуждаются в дополнительном развитии («взрослении»). В частности, такое «взросление» предполагает расширение *разнообразия* институциональных норм и факторов их функционирования.

Серьезной проблемой остается устойчивое сохранение дисбалансов и структурных диспропорций региональных рынков труда, их неотзывчивость как на внешние шоки, включая форс-мажорные факторы 2020–2022 гг., так и на регулирующие воздействия. А это создает препятствия для ускоренного перехода к инновационной модели развития экономики.

В условиях демографического кризиса и дефицита трудовых ресурсов именно адресная миграционная политика станет важным инструментом для решения задач экономического развития регионов и адаптации региональных рынков труда к новым вызовам. Однако существующие политико-правовые механизмы отличаются противоречивым характером, что создает определенные барьеры для эффективного использования трудовой миграции в целях усиления адаптивных возможностей региональных рынков труда. Характерный пример: рост притока трудовых мигрантов, наблюдавшийся в январе – ноябре 2022 г., по сравнению с аналогичным периодом 2021 г., оказался недостаточным для восполнения дефицита кадров в регионах. По данным МВД России, несмотря на общее увеличение числа въехавших мигрантов (на 30% за 11 месяцев 2022 г.), сократилось количество прибывших в страну иностранных высококвалифицированных специалистов (на 29%)²⁴.

²³ Средняя зарплата иностранного рабочего превысила 47 тысяч рублей // Российская газета : [сайт]. URL: <https://rg.ru/2021/12/13/sredniaia-zarplata-inostrannogo-rabocheho-prevysila-47-tysiach-rublej.html> (дата обращения: 01.09.2023).

²⁴ Региональная экономика: комментарии ГУ. №17. Москва : Банк России, 2023. С. 23–24.

Но поскольку на долю мигрантов приходится до 10% всей занятости, то их квалификация и навыки являются важной составляющей человеческого капитала всей рабочей силы, занятой в российской экономике. При такой значительной доле и имеющихся демографических тенденциях политика жесткого ограничения миграции создает риски для решения задач экономического прорыва. Необходимо выстроить должный баланс между императивами обеспечения общественной безопасности и задачами экономического развития в условиях дефицита трудовых ресурсов, который на текущий момент не может быть восполнен за счет российского населения. И как следствие, составной частью российской политики в области человеческого капитала должны стать поиск путей и способов повышения квалификации иностранных работников [32, с. 46–50], усиление адресности государственной политики в области трудовой миграции.

Следовательно, необходимо признать, что воздействие таких сильных внешних факторов последних лет, как последствия пандемии COVID-19, развитие цифровой трансформации всех сфер общественной жизни и экономики, международные санкции, не привели к выходу региональных рынков труда из «колеи развития» ни в сторону значительного ухудшения ситуации, ни в существенно позитивном направлении. Региональные рынки труда «качнулись», но остались по большей части в устойчивом состоянии дисбаланса и недостаточными возможностями для оперативной адаптации к быстро меняющимся вызовам внешней среды, включая ускоренную перестройку экономики на внутренние источники развития в условиях внешних санкций. Для повышения адаптационных возможностей региональных рынков труда в условиях демографического кризиса, превращения их из источника проблем в ресурс для инновационного прорыва, то есть для преодоления ситуации институциональной ловушки, по всей видимости, требуются более масштабные, системные воздействия. Такие как, реальное изменение модели экономического роста, повышение эффективности правового регулирования, его системности и согласованности всех уровней; углубление цифровой трансформации публичной власти и экономики, включая сферу управления трудовыми ресурсами и миграционными потоками.

Список литературы

1. Ощепков, А. Ю. Региональные рынки труда: 15 лет различий [Электронный ресурс] : препринт WP3/2015/10 / А. Ю. Ощепков, Р. И. Капелюшников ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Электрон. текст. дан. (2 Мб). Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. Серия WP3 «Проблемы рынка труда». 73 с.
2. Мобильность и стабильность на российском рынке труда / под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшникова. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 529 с. ISBN 978-5-7598-1532-7. EDN [YQXQES](#).
3. Абузярова, Н. А. Экономико-правовое регулирование российского рынка труда // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 128–137. DOI [10.12737/art_2018_1_11](#). EDN [YKWFAY](#).
4. Рязанцев, С. В. Трудовая миграция в Россию: мифы и контраргументы // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2018. № 4. С. 718–729. DOI [10.22363/2313-2329-2018-26-4-718-729](#). EDN [ZAQDFR](#).
5. Попова, С. М. Особенности функционирования и правового регулирования рынка труда Республики Тыва в условиях пандемии COVID-19 и цифровой трансформации / С. М. Попова, А. А. Яник, А. В. Кашепов // Новые исследования Тувы. 2023. № 2. С. 17–33. DOI [10.25178/nit.2023.2.2](#). EDN [XIQZVG](#).
6. Яник, А. А. Механизмы корректировки государственной миграционной политики с учетом потребности региональных рынков труда: институционально-правовые аспекты / А. А. Яник, С. М. Попова, С. Ф. Карпова, А. Ю. Несеров // NB: Административное право и практика администрирования. 2022. № 3. С. 30–57. DOI [10.7256/2306-9945.2022.3.38474](#). EDN [GDCZCQ](#).

7. Яник, А. А. История современной России: истоки и уроки последней российской модернизации (1985–1999). Москва : Издательство Московского университета, 2012. 760 с. ISBN 978-5-91985-014-4. EDN [UCXXLP](#).
8. Ефимова, Е. А. Из истории развития региональных рынков труда в России // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2011. № 8 (446). С. 152–166. EDN: [OJMUXV](#).
9. Плотицына, Л. А. Региональные рынки труда в современной России: теория и практика. Москва : Фин. Акад. при Правительстве Российской Федерации, 2004. 323 с. ISBN 5-7609-0254-7. EDN [QQGLJB](#).
10. Топилин, А. В. Демографическая ситуация и особенности формирования трудовых ресурсов в России / А. В. Топилин, О. Д. Воробьева // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91, № 9. С. 856–864. DOI [10.31857/S0869587321090097](#). EDN [JXOCNN](#).
11. Vorobyev, N. V. Socio-Economic and Demographic Transformations of Post-soviet Siberia / N. V. Vorobyev, V. S. Batomunkuev, O. V. Valeeva et al. // Humans in the Siberian Landscapes: Ethnocultural Dynamics and Interaction with Nature and Space / Ed. by V. N. Bocharnikov, A. N. Steblyanskaya. Springer Cham, 2022. Pp. 283–306. ISBN 978-3-030-90061-8. DOI [10.1007/978-3-030-90061-8_13](#).
12. Кашепов, А. В. Рынок труда: проблемы и решения. Монография / А. В. Кашепов, С. С. Сулакшин, А. С. Малчинов. Москва : Научный эксперт. 2008. 232 с. ISBN 978-5-91290-023-5. EDN [SUQNYN](#).
13. Гимпельсон, В. Е. Российская модель рынка труда: испытание кризисом / В. Е. Гимпельсон, Р. И. Капелюшников // Журнал Новой Экономической Ассоциации. 2015. № 2 (26). С. 249–254. EDN [UBFBVJ](#).
14. Вишневская, Н. Т. Государственная политика на рынке труда: реформирование институтов в странах ОЭСР // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 1. С. 35–60. EDN [ZAVTUL](#).
15. Земцов, С. П. Риски цифровизации и адаптация региональных рынков труда в России / С. П. Земцов, В. А. Барина, Р. И. Семенова // Форсайт. 2019. Т. 13, № 2. С. 84–96. DOI [10.17323/2500-2597.2019.2.84.96](#). EDN [PUTYMS](#).
16. Забелина, О. В. Региональная трансформация напряженности на рынке труда: новые векторы / О. В. Забелина, Ф. И. Мирзабалаева, Л. В. Санкова // Лидерство и менеджмент. 2022. Т. 9, № 1. С. 137–160. DOI [10.18334/lim.9.1.114287](#). EDN [FREKBT](#).
17. Былков, В. Г. Трансформация регионального рынка труда под действием санкций // Известия Байкальского государственного университета. 2022. Т. 32, № 4. С. 732–740. DOI [10.17150/2500-2759.2022.32\(4\).732-740](#). EDN [KOJGFD](#).
18. Моисеев, В. В. Трансформация рынка труда в условиях санкций / В. В. Моисеев, Ю. С. Колесникова, М. А. Игнатов, С. А. Боженков // Человеческий капитал. 2022. № 9 (165). С. 97–101. DOI [10.25629/HC.2022.09.13](#). EDN [CNGWOZ](#).
19. Ходжсон, Д. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории. Москва : Дело, 2003. 464 с. ISBN 5-7749-0307-9. EDN [QQBPCT](#).
20. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Москва : Фонд экономической книги «Начала». 1997. 180 с. ISBN 5-88581-006-0. EDN [YQDVYE](#).
21. David, P. A. Clio and the Economics of QWERTY // American Economic Review. 1985. Vol. 75, No. 2. P. 332–337.
22. Аузан, А. А. Развитие и «колея» зависимости // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61, № 10. С. 96–105. DOI [10.20542/0131-2227-2017-61-10-96-105](#). EDN [ZNIHAB](#).
23. Аузан, А. А. «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития – эволюция гипотез // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. 2015. № 1. С. 3–17. EDN [TJOVMJ](#).
24. Хакен, Г. Информация и самоорганизация. Макроскопический подход к сложным системам / Г. Хакен ; пер. с англ. Ю. А. Данилова и А. В. Беркова. Изд. 2-е, доп. Серия «Синергетика: от прошлого к будущему». Москва : КомКнига, 2005. 245 с. ISBN 5-484-00189-7. EDN [QJPFSS](#).
25. Стаурский, Е. С. Диспропорции российского рынка труда / Е. С. Стаурский, И. А. Черногор // Вестник Университета «Кластер». Электронный научный журнал. 2022. № 3 (3). С. 83–93. EDN [EQKZXW](#).
26. Коровкин, А. Г. Оценка напряженности на рынке труда: региональный и отраслевой аспекты / А. Г. Коровкин, И. Н. Долгова, И. Б. Королев, А. Л. Сеница // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2020. № 18. С. 449–465. DOI: [10.47711/2076-318-2020-449-465](#).

EDN [ТОССТА](#).

27. Демидова, О. А. Модели экономического роста с неоднородными пространственными эффектами (на примере российских регионов) / О. А. Демидова, Д. С. Иванов // Экономический журнал ВШЭ. 2016. Т. 20, № 1. С. 52–75. EDN [ТЛJТЕТ](#).

28. Гимпельсон, В. Е. Нужен ли российской экономике человеческий капитал? Десять сомнений // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 129–143. DOI [10.32609/0042-8736-2016-10-129-143](#). EDN [WQSXEY](#).

29. Сигова, С. В. Прогнозирование модифицированного коэффициента напряженности на российском рынке труда для определения потребности в иностранных работниках / С. В. Сигова, Е. А. Питухин, Н. В. Парикова // Фундаментальные исследования. 2012. № 11–1. С. 237–242. EDN [PKWKKR](#).

30. Вашаломидзе, Е. В. Производительность труда, уровень и качество жизни населения России: динамика изменения и современные тенденции взаимовлияния / Е. В. Вашаломидзе, М. Н. Дудин // Социально-трудовые исследования. 2022. № 4 (49) С. 49–60. DOI [10.34022/2658-3712-2022-49-4-49-60](#). EDN [QQCVDD](#).

31. Смирных, Л. И. Дифференциация трудовых доходов между внешними иммигрантами и местными работниками на российском рынке труда / Л. И. Смирных, Е. Ю. Полякова // Уровень жизни населения регионов России. 2015. № 3 (197). С. 65–74. EDN [SVCUKG](#).

32. Авдеева, Д. А. Производительность труда и российский человеческий капитал: парадоксы взаимосвязи? Доклад НИУ ВШЭ / Д. А. Авдеева, Н. В. Акиндинова, И. Б. Воскобойников, В. Е. Гимпельсон, М. Б. Денисенко, Ю. В. Симачев, П. В. Травкин, А. А. Федюнина. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики. 2021. 61 с. ISBN 978-5-7598-2509-8.

Сведения об авторах:

Яник Андрей Александрович, кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: yanik-andrey@idrras.ru; ORCID ID: [0000-0002-1599-6280](#); РИНЦ Author ID: [638088](#); Web of Science Researcher ID: [C-1854-2016](#); Scopus Author ID: [57202891655](#).

Попова Светлана Михайловна, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: popova-svetlana@idrras.ru; ORCID ID: [0000-0002-1348-4492](#); РИНЦ Author ID: [234638](#); Web of Science Researcher ID: [N-6922-2013](#); Scopus Author ID: [57201667811](#).

Карпова Светлана Федоровна, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: karpova2@yandex.ru, ORCID ID: [0009-0004-6771-4793](#); РИНЦ Author ID: [1171918](#).

Статья поступила в редакцию 15.10.2023; принята в печать 12.12.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REGIONAL LABOR MARKETS IN RUSSIA UNDER NEW CONDITIONS: PROBLEMS AND POSSIBILITIES OF PATH DEPENDENCE OVERCOMING

Andrey A. Yanik

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: yanik-andrey@idrras.ru

Svetlana M. Popova

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: popova-svetlana@idrras.ru

Svetlana F. Karpova

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: karpova2@yandex.ru

For citation: Yanik, Andrey A. Regional Labor Markets in Russia under New Conditions: Problems and Possibilities of Path Dependence Overcoming / A. A. Yanik, S. M. Popova, S. F. Karpova. DEMIS. Demographic Research. 2023. Vol. 3, No. 4. Pp. 165–182. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.10](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.10).

Abstract. The subject of the study is the regional labor markets in the Russian Federation. The topic is an analysis of the prospects for the regional labor markets to overcome the Path Dependence problem. Special attention is paid to targeted migration policy as one of the tools to improve the balance and adaptability of regional labor markets. The purpose of the work is to search for evidence of the extremely important role of an effective migration policy in solving the problems of socio-economic development of regions in the conditions of demographic crisis and shortage of labor resources. The research sources are official statistics data, regulatory legal acts of federal and regional authorities, and media materials. Theoretical approaches of institutionalism are used, in particular, the concepts of dependence on previous development, various general scientific and comparative research methods. It is shown that strong shocks of 2020–2022 (the effects of the COVID-19 pandemic, external economic sanctions, accelerated digital transformation of the economy and society) could not “push” regional labor markets out of the “institutional trap” (a historically stable state of imbalance, inflexibility, low responsiveness to regulatory measures) on either a positive or negative trajectory. However, such a state hinders the transition of regional economies to innovative development and their adaptation to external challenges. Targeted migration policy could increase the adaptability of regional markets in the conditions of demographic crisis and shortage of labor resources, but its contradictory nature and imperfect legal regulation reduce the effectiveness of this tool. The revealed contradictions require to improve the mechanisms for regulating labor migration, to increase the coordination of actions at the federal and regional levels of government, to strengthen the targeting of state migration policy, and to develop special measures aimed at improving the skills of foreign workers. The results of the study can be used to adjust regulatory measures in the field of labor migration management.

Keywords: migration policy, regional labor market, labor migration, migration regulation, labor resources.

References

1. Oshchepkov, A. Yu. *Regional'nye rynki truda: 15 let razlichij* [Regional labor markets: 15 years of differences] [Electronic resource] : WP3 preprint/2015/10. Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2015. 73 p. (In Russ.).
2. *Mobil'nost' i stabil'nost' na rossijskom rynke truda* [Mobility and stability in the Russian labor market]. Ed. by V. E. Gimpelson & R. I. Kapelyushnikov. Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2017. 529 p. ISBN 978-5-7598-1532-7. (In Russ.).
3. Abuzyarova, N. A. Economic and legal regulation of the Russian labor market. *Journal of Russian Law*. 2018. No. 1. P. 128–137. DOI [10.12737/art_2018_1_11](https://doi.org/10.12737/art_2018_1_11). (In Russ.).
4. Ryazantsev S. V. Labor Migration to Russia: Myths and Counterarguments. *RUDN Journal of Economics*. 2018. No. 4. P. 718–729. DOI [10.22363/2313-2329-2018-26-4-718-729](https://doi.org/10.22363/2313-2329-2018-26-4-718-729). (In Russ.).
5. Popova, S. M. Features of Functioning and Legal Regulation of the Labor Market in the Republic of Tuva under Conditions of the COVID-19 Pandemic and Digital Transformation / S. M. Popova, A. A. Yanik, A. V. Kashepov. *The New Research of Tuva*. 2023. No. 2. P. 17–33. DOI [10.25178/nit.2023.2.2](https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.2). (In Russ.).
6. Yanik, A. A. Migration Policy Adjustments to Address the Regional Labor Markets Demands: Institutional and Legal Aspects / A. A. Yanik, S. M. Popova, S. F. Karpova, A. Yu. Nesterov. // *NB: Administrative Law and Practice of Administration*. 2022. No. 3. P. 30–57. DOI [10.7256/2306-9945.2022.3.38474](https://doi.org/10.7256/2306-9945.2022.3.38474). (In Russ.).
7. Yanik, A. A. *The History of Contemporary Russia: The Origins and Lessons of the Last Russian Modernization (1985–1999)*. Moscow : Moscow University Press, 2012. 760 p. ISBN 978-5-91985-014-4. (In Russ.).
8. Efimova, E. A. From History of Development of Regional Labour Markets in Russia. *ECO Journal*. 2011. No. 8 (446). P. 152–166. (In Russ.).
9. Plotitsyna, L. A. *Regional'nye rynki truda v sovremennoj Rossii: teoriya i praktika* [Regional labor markets in modern Russia: theory and practice]. Moscow : Finance Academy under the Government of the Russian Federation, 2004. 323 p. ISBN 5-7609-0254-7. (In Russ.).
10. Topilin, A. V. Demograficheskaya situaciya i osobennosti formirovaniya trudovyh resursov v Rossii [Demographic situation and features of the formation of labor resources in Russia] / A. V. Topilin, O. D. Vorobyova. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2021. Vol. 91, No. 9. Pp. 856–864. DOI [10.31857/S0869587321090097](https://doi.org/10.31857/S0869587321090097). (In Russ.).

11. Vorobyev, N. V. Socio-Economic and Demographic Transformations of Post-soviet Siberia / N. V. Vorobyev, V. S. Batomunkuev, O. V. Valeeva et al. *Humans in the Siberian Landscapes*. Eds. V. N. Bocharnikov, A. N. Steblyanskaya. Springer : Springer Cham. 2022. P. 283–306. ISBN 978-3-030-90061-8. DOI [10.1007/978-3-030-90061-8_13](https://doi.org/10.1007/978-3-030-90061-8_13).
12. Kashepov, A. V. *Rynok truda: problemy i resheniya [Labor market: problems and solutions]* / A. V. Kashepov, S. S. Sulakshin, A. S. Malchinov. Moscow : Scientific Expert, 2008. 232 p. ISBN 978-5-91290-023-5. (In Russ.).
13. Gimpelson, V. E. The Russian Labour Market Model Trial by Reecccion / V. E. Gimpelson, R. I. Kapelyushnikov. *Journal of The New Economic Association*. 2015. No. 2 (26). P. 249–254. (In Russ.).
14. Vishnevskaya, N. T. State Labour Market Policy: Reforming Institutions in the OECD Countries. *Public Administration Issues*. 2019. No. 1. P. 35–60. (In Russ.).
- 15.1. Zemtsov, S. The Risks of Digitalization and the Adaptation of Regional Labor Markets in Russia / S. Zemtsov, V. Barinova, R. Semenova. *Foresight*. 2019. Vol. 13, No. 2. P. 84–96. DOI [10.17323/2500-2597.2019.2.84.96](https://doi.org/10.17323/2500-2597.2019.2.84.96). (In Russ.).
16. Zabelina, O. V. Regional Transformation of the Labour Market Tension: New Vectors / O. V. Zabelina, F. I. Mirzabalaeva, L. V. Sankova. *Leadership and management*. 2022. Vol. 9, No. 1. P.137–160. DOI: [10.18334/lim.9.1.114287](https://doi.org/10.18334/lim.9.1.114287). (In Russ.).
17. Bylkov, V. G. Transformation of the Regional Labor Market under the Influence of Sanctions. *Bulletin of Baikal State University*. 2022 Vol. 32, No. 4. P. 732–740. DOI [10.17150/2500-2759.2022.32\(4\).732-740](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2022.32(4).732-740). (In Russ.).
18. Moiseev, V. V. Transformation of the Labor Market under Sanctions / V. V. Moiseev, Yu. S. Kolesnikova, M. A. Ignatov, S. A. Bozhenov. *Human capital*. 2022. No. 9 (165). Pp. 97–101. DOI [10.25629/HC.2022.09.13](https://doi.org/10.25629/HC.2022.09.13). (In Russ.).
19. Hodgson, G. *Ekonomicheskaya teoriya i instituty: Manifest sovremennoj institucional'noj ekonomicheskoy teorii [Economics and Institutions: Manifesto for Modern Institutional Economics]*. Moscow : Delo, 2003. 464 p. ISBN 5-7749-0307-9. (In Russ.).
20. North, D. *Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie ekonomiki [Institutions, Institutional Change and Economic Performance]*. Moscow : Foundation of the Economic Book “Nachala”, 1997. 180 p. ISBN 5-88581-006-0. (In Russ.).
21. David, P. A. Clio, and the Economics of QWERTY. *American Economic Review*. 1985. Vol. 75. No. 2. P. 332–337.
22. Auzan, A. A. Path Dependence Problem and Possibilities of its Overcoming. *World Economy and International Relations*. 2017. Vol. 61, No. 10. P. 96–105. DOI [10.20542/O131-2227-2017-61-10-96-105](https://doi.org/10.20542/O131-2227-2017-61-10-96-105). (In Russ.).
23. Auzan, A. A. Path Dependence Problem: The Evolution of Approaches. *Bulletin of the Moscow University Economics Bulletin*. 2015. No. 1. P. 3–17. (In Russ.).
24. Haken, G. *Informaciya i samoorganizaciya. Makroskopicheskiy podhod k slozhnym sistemam [Information and Self-organization. Macroscopic Approach to Complex Systems]* / G. Haken ; translated from the English by Yu. A. Danilova and A. V. Berkova. Moscow : KomKniga, 2nd ed., 2005. 245 p. ISBN 5-484-00189-7. (In Russ.).
25. Staursky, E. S. Disproportions of the Russian Labor Market / E. S. Staursky, I. A. Chernogor. *Bulletin of the University “Klaster”. Electronic Scientific Journal*. 2022. No. 3 (3). P. 83–93. (In Russ.).
26. Korovkin, A. G. Ocenka napryazhennosti na rynke truda: regional'nyj i otraslevoj aspekty [Assessment of tension in the labor market: regional and sectoral aspects] / A. G. Korovkin, I. N. Dolgova, I. B. Korolev, A. L. Sinitsa. *Scientific Articles – Institute of Economic Forecasting RAS*. 2020. No. 18. P. 449–465. DOI: [10.47711/2076-318-2020-449-465](https://doi.org/10.47711/2076-318-2020-449-465). (In Russ.).
27. Demidova, O. A. Models of Economic Growth with Heterogenous Spatial Effects: The Case of Russian Regions / O. A. Demidova, D. S. Ivanov. *HSE Economic Journal*. 2016. Vol. 20, No. 1. P. 52–75. (In Russ.).
28. Gimpelson V.E. Does the Russian Economy Need Human Capital? Ten Doubt. *Voprosy Ekonomiki*. 2016. No 10. P. 129–143. DOI [10.32609/0042-8736-2016-10-129-143](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-10-129-143). (In Russ.).
29. Sigova, S. V. Projection of Modified Tension Factor on Russian Labour Market for Affecting Demand in Foreign Workers / S. V. Sigova, E. A. Pitukhin, N. V. Parikova. *Fundamental Research*. 2012. No 11–1. P. 237–242. (In Russ.).
30. Vashalomidze, E. V. Labor Productivity, Level and Quality of Life of the Russian Population:

Dynamics of Changes and Modern Trends of Mutual Influence / E. V. Vashalomidze, M. N. Dudin. *Social&Labor Research*. 2022. No 4 (49). P. 49–60. DOI [10.34022/2658-3712-2022-49-4-49-60](https://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-49-4-49-60). (In Russ.).

31. Smirnykh, L. I. Differenciaciya trudovyh dohodov mezhdru vneshnimi immigrantami i mestnymi rabotnikami na rossijskom rynke truda [Earned Income Differentiation between Immigrants and Native Workers on the Russian Labour Market] / L. I. Smirnykh, E. Y. Polyakova. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2015. No 3 (197). P. 65–74. (In Russ.).

32. Avdeeva, D. A. *Proizvoditel'nost' truda i rossijskij chelovecheskij kapital: paradoksy vzaimosvyazi? Doklad NIU VSHE [Labor productivity and Russian human capital: Paradoxes of interrelation] Report of the Higher School of Economics?* / D. A. Avdeeva, N. V. Akindinova, I. B. Voskoboinikov, V. E. Gimpelson, M. B. Denisenko, Yu. V. Simachev, P. V. Travkin, A. A. Fedyunina. Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2021. 61 p. ISBN 978-5-7598-2509-8. (In Russ.).

Bio notes:

Andrey A. Yanik, Candidate of Technical Sciences, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: yanik-andrey@idrras.ru; ORCID ID: [0000-0002-1599-6280](https://orcid.org/0000-0002-1599-6280); RSCI Author ID: [638088](https://rsci.org/638088); Web of Science Researcher ID: [C-1854-2016](https://www.webofscience.com/author/uri/uri:scid:1854-2016); Scopus Author ID: [57202891655](https://orcid.org/57202891655).

Svetlana M. Popova, Candidate of Political Sciences, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: popova-svetlana@idrras.ru; ORCID ID: [0000-0002-1348-4492](https://orcid.org/0000-0002-1348-4492); RSCI Author ID: [234638](https://rsci.org/234638); Web of Science Researcher ID: [N-6922-2013](https://www.webofscience.com/author/uri/uri:scid:N-6922-2013); Scopus Author ID: [57201667811](https://orcid.org/57201667811).

Svetlana F. Karpova, Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: karpova2@yandex.ru; ORCID ID: [0009-0004-6771-4793](https://orcid.org/0009-0004-6771-4793); RSCI Author ID: [1171918](https://rsci.org/1171918).

Received on 15.10.2023; accepted for publication on 12.12.2023.

The authors have read and approved the final manuscript.